

ИСТОРИКИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4. 220030, г. Минск, Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

Представители академической и вузовской исторической науки, историки-международники, сотрудничавшие с Комиссией по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при Народном комиссариате иностранных дел СССР (Комиссия Литвинова), работавшие в аппарате наркомата, своим знанием и умением создали мощный пласт исторической документации констатирующего и прогностико-аналитического характера. Она не только отразила советские государственные интересы, но и во многом способствовала долговременному сохранению мира в Европе.

Ключевые слова: историческая наука; национально-территориальные конфликты; Центрально-Восточная Европа; послевоенное мирное урегулирование.

HISTORIANS AND HISTORICAL SCIENCE IN DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE SOVIET CONCEPT OF POST-WAR DEVICES IN CENTRAL EAST EUROPE

A. P. Salkov

*Belarussian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
anatsalkov@mail.ru*

Representatives of academic and university historical science, international historians who collaborated with the Commission on Peace Treaties and the Post-War Organization under the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR (Litvinov's Commission), who worked in the apparatus of the People's Commissariat, with their knowledge and skill created a powerful layer of historical documentation stating and forecasting analytical nature. It not only reflected the Soviet state interests, but also in many ways contributed to the long-term preservation of peace in Europe.

Keywords: historical science; national-territorial conflicts; Central-Eastern Europe; post-war peace settlement.

Стратегические направления советской внешней политики в период войны и послевоенного урегулирования формулировались высшим партийно-правительственным руководством страны. Однако концептуальные модели, конкретные региональные и страноведческие разработки вырабатывались в аппарате Народного комиссариата иностранных дел СССР (НКВД), его отделах и комиссиях, либо выдвигались отдельными ведущими дипломатами. Отдел Балканских стран (ОБС, 1921–1941) курировал балканские государства и Чехословакию. 4 Европейский отдел (1941–1945) был создан на базе ОБС с присоединением

к нему Польши, а в 1945–1953 гг. в него входили только Чехословакия и Польша. 3 Европейский отдел (1941–1953) охватывал Германию, Италию, Венгрию и Румынию. Среди сотрудников аппарата НКВД, разработчиков проектов документов и решений традиционно имелось большое количество высококвалифицированных историков, чье авторство в большинстве случаев оставалось скрытым [1, с. 248–252].

С самого начала войны для СССР возникла острая коллизия – эффект «политической ловушки» пункта 2 Атлантической хартии, принятой на Атлантической конференции (Ньюфаундленд, Канада, 9–12 августа 1941 г.) президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и призванной в восьми коротких пунктах определить устройство мира после победы. Пункт 2 декларировал союзнический принцип непризнания до мирной конференции любых территориальных изменений периода войны, не находящихся «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» [2, с. 147–148]. СССР ценой огромных человеческих и материальных жертв на фронтах и значительных дипломатических усилий, сумел избежать распространения действия этого принципа на квалификацию своей политики 1939–1940 гг. Хотя в этот период он явился инициатором или участником масштабной трансформации границ, все же добился от союзников вначале вербального (на Тегеранской конференции), а затем и документального (на Ялтинской конференции) признания своих западных границ по состоянию на 1941 г. (за исключением стран Балтии, что вытекало из «Декларация Уэллеса» 23 июля 1940 г.). Это противоречило первоначальным англо-американским договоренностям и представлениям. Между тем, все эти политические контroversии требовали грандиозного историко-документального обеспечения.

С началом войны в Москве озаботились выработкой представлений о контурах послевоенного мира. Накануне Межсоюзнической конференции в Лондоне (27–28 августа 1941 г.) в НКВД бушевали страсти по поводу роли и места СССР в нем. Замнаркома иностранных дел (1939–1946) С. А. Лозовский в записке наркому (1939–1949) В. М. Молотову считал, что «англичане и американцы распоясались», предлагая Москве взять на себя инициативу по принятию Атлантической хартии на конференции, при этом, приравнивая СССР «к полякам, чехам, бельгийцам, норвежцам и прочим грекам [эмигрантские правительства в Лондоне. – Авт.]» [3, с. 139–140]. В итоге 24 сентября была оглашена Декларация, которая излагала цели советской внешней политики, предлагала определить пути послевоенного

устройства, выражала согласие (с рядом оговорок) с принципами Атлантической хартии [4, с. 128–130]. Во время визита британского министра иностранных дел (1940–1945) Энтони Идена в Москву 16–20 декабря 1941 г. И. В. Сталин в ходе четырёх бесед с ним в жёсткой полемике попытался наметить сферы влияния в Европе и общую схему реорганизации европейских границ после войны. Эта схема включала 9 блоков (Польша, Чехословакия, Югославия, Албания, Турция, Греция, Франция, Германия, границы СССР 1941 г.) [5, с. 502–503]. Советская сторона разработала проекты двух секретных протоколов к несостоявшемуся советско-британскому договору. Сведений о передаче их Идену не имеется. Первый протокол из 19 блоков с подпунктами предлагал организацию «дела мира и безопасности в Европе», меры для «неповторения агрессии» со стороны Германии, касаясь всех европейских стран и регионов. Вторым протоколом из 9 блоков фокусировался на восстановлении советских границ 1941 г. и учете особой роли СССР «при решении всех возможных планов организации европейских государств, и в первую очередь, в восточной части Европы» [6, с. 136–141].

В декабре 1941 г. в НКВД была предпринята попытка начать послевоенное планирование и создать комиссию для разработки вопроса о границах СССР, Германии и её союзников. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 января 1942 г. создавалась «Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира», призванная документировать спорные территориальные и национальные вопросы [7, с. 241]. Однако из-за тяжелого положения на фронтах работа приостановилась.

Тогда же в США в структуре Госдепартамента был создан Консультативный комитет по послевоенной внешней политике (председатель – Госсекретарь Корделл Халл, заместитель – замгоссекретаря Самнер Уэллес). Было определено 24 района в ЦВЕ, где требовалась корректировка границ по этническим линиям, обмен населением, защита меньшинств, автономия этнических эксклавов. В марте 1942 г. эксперты подкомитета по политическим и территориальным проблемам уделили внимание Болгарии, Румынии и Венгрии, в мае сформулировали тезис о «региональной федерации» в надежде, что «взаимная ненависть» между народами региона будет слабее «ненависти» к соседним Германии и России [8, с. 307–309]. В январе – феврале 1943 г. советское посольство в Лондоне сообщало об активной и самоуверенной работе американцев (даже не консультируясь с англичанами) в вопросах послевоенного устройства,

заседании подкомитета по вопросам политической реконструкции Европы под руководством парламентского заместителя министра иностранных дел Ричарда Лоу [9, с. 72, 77–78].

В первую очередь, это касалось стран-членов фашистской «оси». Так, к лету 1943 г. появилась разработка по Венгрии. Почти все ее границы признавались нуждающимися в «переопределении». Касательно словацко-венгерской границы был принят вариант на основе этнолингвистических и транзитно-экономических факторов, что предусматривало существенную ревизию границы Трианонского договора 1920 г. в пользу Венгрии [10, р. 53]. Другой разработкой октября 1943 г. был материал по определению альтернатив послевоенного развития Словакии. Обсуждались довоенный «чехословацкий сценарий», автономия Словакии в составе Польши или Венгрии, независимая Словакия, децентрализация Чехословакии [11, р. 416–417].

Эмигрантское правительство Польши также разрабатывало образ страны в послевоенном мире. В середине 1942 г. эксперт Людвик Гродзицкий выдвинул три варианта изменения польско-немецкой границы. В двух из них вся Восточная Пруссия отходила к Польше, но в любом случае Кенигсберг был в ее составе. Восточная граница шла по линии Рижского договора [12, р. 138–139]. Мариан Сейда, бывший министр юстиции этого правительства, в сентябре 1943 г. подготовил доклад «Польша и Германия и послевоенная реконструкция Европы». В нем содержалась претензия на всю Восточную Пруссию, Опольскую Силезию, Данциг, говорилось, что предвоенный Вильно являлся «решительно польским по своему характеру... (литовцев насчитывалось едва лишь 1% от всех жителей)», а Львов – «город чисто польского облика и характера». Подчеркивалось сохранение восточной границы, как результата «добровольного компромисса» между Советской Россией и Польшей. Утверждалось, что Рижским договором Польша, желая «достигнуть длительной нормализации отношений со своим восточным соседом, отказалась почти от половины (120 тыс. кв. миль) территории, которая принадлежала ей до разделов». Следовательно, Польша «принесла колоссальные жертвы», сохранив лишь те территории, которые являлись для нее «делом абсолютной жизненной необходимости», чтобы не стать «маленьким и слабым государством». Для СССР же, ввиду его огромных размеров, населения и ресурсов, эти земли «не представляли никакой важности» [13, л. 12–14, 27–33]. Доклад Сейды содержал также планы широкой экспансии на Балтике – требование интернационализации

Кильского канала с активным участием Польши, предоставления ей морских баз в Западной Балтике (на датском о. Борнхольм, и немецких о-вах Рюген и Фемарн) [6, с. 294–295].

Впервые во время войны проблемы послевоенного устройства были подробно обсуждены в ходе визита Э. Идена в США 12–30 марта 1943 г. Тогда он пытался создать у советского посла в Вашингтоне (1941–1943) М. М. Литвинова представление, что вопрос о советской западной границе не вызовет возражений США, а «Польша успокоится, получив Восточную Пруссию» [14, с. 299–300, 489]. 7 июня Ф. Рузвельт в беседе с президентом Чехословакии в изгнании Эдвардом Бенешем заявил, что советско-польские противоречия могут быть решены улучшенной версией линии Керзона и компенсацией Польши за счет присоединения к ней Восточной Пруссии [15, р. 493].

Все это обусловило возврат Москвы к планированию послевоенного мира. М. М. Литвинов в записке В. М. Молотову от 3 августа 1943 г. обозначил направления работы создававшейся комиссии (12 блоков по странам и регионам) и принципы кадрового подбора (лица, которые будут «фактически работать, а не только заседать»; смогут отдать комиссии «все свое время или хотя бы большую часть своего времени»; другие полезные для комиссии лица, «должны привлекаться лишь в качестве консультантов»). М. М. Литвинов предложил первоначальный состав интеллектуалов с блестящим образованием: полпред в Великобритании (1932–1943) И. М. Майский, как заместитель председателя (учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, окончил экономический факультет Мюнхенского университета); видный дипломат Я. З. Суриц; известный экономист, академик АН СССР Е. С. Варга (директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР); историк-международник Б. Е. Штейн; видный историк Е. В. Тарле; специалист по Германии, профессор МГУ А. С. Ерусалимский (окончил общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук 1-го МГУ). По всем блокам были предложены авторитетные научные консультанты. «По Польше» таковым значился первый ректор БГУ, академик АН БССР, член-корреспондент АН СССР, организатор сектора славяноведения Института истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян МГУ (1939) В. И. Пичета [6, с. 232–234]. 4 сентября 1943 г. Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД (Комиссия Литвинова) была создана

постановлением СНК СССР в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 сентября. Был окончательно определен ее состав [7, с. 316].

Возглавил комиссию опытный дипломат М. М. Литвинов (уроженец Белостока Гродненской губ.) – замнаркома (1921–1930, 1941–1946), нарком иностранных дел (1930–1939), посол в США. Высокообразованными специалистами и знатоками европейской проблематики были все члены Комиссии. С. А. Лозовский (в эмиграции посещал лекции на юридическом факультете Сорбонны) – замнаркома иностранных дел, заведующий кафедрой истории международных отношений и внешней политики СССР Высшей партшколы при ЦК ВКП(б) (1940–1949, заместитель / начальник Совинформбюро (1941–1948). Д. З. Мануильский (учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, окончил юридический факультет Сорбонны) – руководящий работник Коминтерна, ЦК ВКП(б), Главного политуправления РККА. Я. З. Суриц (уроженец Динабурга / Двинска Витебской губ., образование получил на отделении государственно-общественных наук философского факультета Гейдельбергского и юридическом факультете Берлинского университета) – бывший полпред в Турции, Германии, Франции, советник НКВД (1940–1945). Е. В. Тарле – академик АН СССР (окончил историко-филологический факультет Киевского университета), автор фундаментальных исторических трудов. Б. Е. Штейн – профессор Высшей дипломатической школы при НКВД.

Представляет интерес протокол первого заседания Комиссии 8 сентября, где был оглашен перечень вопросов, подлежащих разработке, по каждому из которых надлежало дать историческую справку, представить заграничное состояние проблемы, сделать выводы и предложения в одном или нескольких вариантах. Перечень вопросов (с оговорками, что он не полон) поражал масштабом – 34 блока международных, региональных и страноведческих проблем со 126 пунктами. Началась выработка подходов и принципов деятельности. Е. В. Тарле поставил вопрос о методе работы: «Нужно ли будет давать чисто историческую, объективную справку, скажем, о вопросе выделения Восточной Пруссии, или по всем вопросам у нас уже есть ответы, т. е. мнение правительства, на основании которого мы должны разрабатывать материал?». М. М. Литвинов пояснил, что «постановка вопроса в списке не значит, что вопрос решается нами положительно. Например, если мы против выделения Восточной Пруссии, то надо так и сказать. Это относится ко всем вопросам». Д. З. Мануильский критиковал излишнюю детализацию перечня вопросов для разработки,

считая, что комиссия вольна сама их выдвигать, не ожидая установок, считал необходимым извлечь уроки из краха Версальской системы. М. М. Литвинов возражал ему в том, что нет необходимости вести общую дискуссию по всем вопросам, так как каждому члену комиссии будут поручены конкретные сюжеты. С. А. Лозовский предлагал изучить уже существующие проекты ряда американских институтов и британских учреждений с привлечением крупнейших ученых, «отбросив журналистскую болтовню и выделив то, что является выражением желаний господствующих классов». Я. З. Суриц выразил сомнения в необходимости изучения таких проектов, что «потребовало бы слишком много времени и ничего нам не даст». Б. Е. Штейн отмечал, что максималистский подход к возможным вопросам на мирной конференции потребует привлечения работников со стороны, для чего необходимо определить порядок и форму привлечения («знакомить ли со всем материалом»). Е. В. Тарле предлагал разработку всех пунктов с точки зрения максимальной безопасности советских границ и наибольшей устойчивости мира в будущей Европе. С. А. Лозовский настаивал на самостоятельности комиссии в высказывании своего мнения, даже если «правительство потом перечеркнет девять десятых нашей программы». Произошло распределение первоочередных задач: Б. Е. Штейн (мирная конференция, международные организации, Дунайская федерация, Италия), Я. З. Суриц и Е. В. Тарле (Германия, Балканская федерация), С. А. Лозовский (Франция, Испания, Финляндия, Скандинавия), Д. З. Мануильский (политический режим будущей Германии, образование власти в разных странах). 9 сентября М. М. Литвинов направил Сталину и В. М. Молотову перечень вопросов для разработки на предмет его утверждения и запросил дополнительных пояснений почти по всем блокам [6, с. 236–248].

Накануне Московской конференции министров иностранных дел (октябрь 1943 г.) была разработана первая обширная советская концепция послевоенного устройства. В центре находился вопрос о будущем Германии и её новых границах. Причем, при всех вариантах было принято, что от Германии отходят территории, захваченные после 1937 г., а Восточная Пруссия считается переданной Польше. Учитывалось и мнение Рузвельта в пользу передачи Восточной Пруссии Польше в виде компенсации за установление ее восточной границы по линии Керзона. В записке М. М. Литвинова В. М. Молотову «Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе» от 9 октября (на основе разработки Комиссии) обращалось внимание на обстоятельство, влиявшее

на позицию всех заинтересованных сторон. Дело в том, что даже в случае удовлетворения всех требований Польши в отношении Восточной Пруссии, Опольской Силезии и Данцига, она компенсировала бы потери западных районов Беларуси и Украины по территории лишь на 23%, а по численности населения – на 50%. Из чего М. М. Литвинов делал вывод, что «получив всё, что возможно, за счёт Германии, Польша не перестанет хныкать и роптать и добиваться расширения на восток, и чем сильнее она станет на западе, тем больше повысится значение её ропота» [16, с. 27–46]. Поэтому Москва по-прежнему нуждалась в международном признании границы 1941 г. В Тегеране Черчилль впервые в законченном виде сформулировал «компенсационное решение» о признании линии Керзона как советско-польской границы на основе территориальной компенсации Польши за счёт Германии.

С учетом всего этого, в 4 Европейском отделе НКВД 19 июля 1944 г. была составлена справка «Внутриполитическое положение Польши и планы ее послевоенного устройства», намеченные пока в самом общем виде [17, л. 12–16]. По одному из сложнейших – трансильванскому вопросу, требовавшему глубокой проработки исторической аргументации на обладание краем, в аппарате НКВД и в Комиссии Литвинова был составлен ряд масштабных справок. В стенограмме заседания Комиссии от 8 июня 1944 г. выявились четыре возможных решения. 1) Оставить, по словам М. М. Литвинова, «нынешнее положение (до тех пор, пока мы не придумаем лучшего)». 2) Передать Трансильванию Венгрии, что М. М. Литвинов почти исключал, «но не совсем». В политике «приходится руководствоваться исключительно соображениями целесообразности», поэтому можно было бы мыслить даже воссоединение края с Венгрией при условии ее тесного и длительного сотрудничества с СССР. Я. З. Суриц отклонил данный вариант, так как он нарушал интересы румынского большинства, был бы вознаграждением «одного из наиболее ретивых сателлитов Германии» и огромной опасностью для дружественной Чехословакии. Венгрии не забылось, что она первой примкнула к Антикоминтерновскому пакту и напала на СССР без малейшего повода, не имея даже тех территориальных претензий, которыми оправдывали свое участие в войне Финляндия и Румыния. 3) Более вероятной, по мнению М. М. Литвинова, была передача Трансильвании Румынии взамен прочной гарантии («базы и контроль», так как в политике «благодарность быстро испаряется») тесного сотрудничества с СССР, а также ее полного отказа от претензий на Бессарабию и Буковину. Румыния нуждалась бы в защите

СССР против Венгрии, которая «никогда не примирится с окончательной потерей всей Трансильвании». Я. З. Суриц также выступил за переход края к Румынии с таким обоснованием: «устранив между Румынией и Россией спор из-за Бессарабии (намеренно созданный Бисмарком на Берлинском конгрессе) и передав Румынии Трансильванию... мы зложим основы для действительно прочной зависимости Румынии от нашей политики». Б. Е. Штейн, скептически отозвался о передаче края Румынии ввиду сомнительности гарантий ее просоветской политики. 4) Создать независимое Трансильванское государство, к чему склонялись все члены комиссии [18, с. 165–192, 233–245, 376–378].

Комиссия разработала объемную записку «Об обращении с Италией», где исторические факторы играли особую роль. На заседании 4 сентября состоялся критический разбор ее исторической части. Я. З. Суриц отметил, что адриатическая проблема не учла интересы Югославии, а границы Рапалльского договора 1920 г. позволяли Италии «угрожать всему словенскому району, особенно Любляне», не оставив молодому государству ни одного настоящего морского порта. Поэтому Югославии должна быть уступлена вся Истрия. Однако у него были «некоторые сомнения относительно Триеста» – следует ли и его целиком передать Югославии или, изъяв из суверенитета Италии, придать Триесту характер нейтрального порта. М. М. Литвинов склонялся к этому, руководствуясь этническим составом населения, но Я. З. Суриц сослался на перепись 1913 г., по которой в Триесте проживало 118 тыс. итальянцев и около 70 тыс. славян, и это не был «сплошь итальянский город». В качестве порта Триест обслуживал не долину р. По, а бассейн рек Савы и Дравы, больше являясь портом славянским, чем итальянским. Поэтому Я. З. Суриц допускал «в качестве одного их вариантов и отход Триеста к Югославии» [19, л. 70–72].

С. А. Лозовский полагал: Италия не должна «подвергнуться такой же экзекуции как Германия», но опасался, что, проявляя более мягкое отношение к Италии (могла рассматриваться Москвой в качестве противовеса Лондону), можно создать прецедент для Англии в ее попытках проявлять более мягкое отношение к Германии (могла рассматриваться Лондоном в качестве противовеса Москве). Он предлагал: нужно, чтобы Италия «действительно, по-настоящему почувствовала результаты этой войны, потеряв колонии и целый ряд территорий». Для этого следует передать Триест Югославии и «решиться на более жесткие меры» [19, л. 73–75]. Е. В. Тарле был наиболее решительно настроен против Италии, считая, что она трижды за последние 130 лет вела против России

неспровоцированные войны. Он предлагал ослабить ее, так как она «всегда будет продавать свою силу против нас, а если она будет слабой, то ее никто не купит». Б. Е. Штейн решительно отклонил аргумент С. А. Лозовского о взаимосвязи между отношением к Италии и Германии. Он полагал: «так мы ни в одном вопросе не сможем проводить собственную линию из боязни, что Англия воспользуется этим в вопросе о Германии». На Балканах же «необходимо прекратить какую бы то ни было роль Италии» [19, л. 76–79].

Подводя итог, М. М. Литвинов заявил: изгоняя Италию из Балкан, не обязательно «полностью изгнать ее из Истрийского полуострова, западное побережье которого нисколько не связано с Балканами». Он считал: возможен «такой крайний случай, когда можно будет предоставить Италии несколько городов на побережье Истрийского полуострова, населенных итальянцами». В отношении же Триеста развернул целую систему взглядов. Во-первых, считал, что Триест как порт, не нужен ни Италии, ни Югославии, если та получит Фиуме и Зару. Лучше «предоставить Триест в пользование тем государствам, которые не имеют выхода к Южным морям – Австрии, Чехословакии». Во-вторых, он допускал: «Возможно, что при некоторых особых наших отношениях с Югославией, мы предпочтем передать ей и Триест», но оговаривался, что Запад будет против передачи города, населенного преимущественно итальянцами. В-третьих, М. М. Литвинов благосклонно высказался в пользу интернационализации Триеста: «...нам неплохо было бы иметь свой наблюдательный пункт в Адриатике» [19, л. 80–82].

Все эти особенности нашли отражение в утвержденном 8 сентября 1944 г. тексте записки Комиссии Литвинова «Об обращении с Италией». Тональность свидетельствовала: «к побежденной Италии можно применить менее жесткое обращение, чем к Германии» [20, л. 44–47]. В справке резюмировалось: «при уверенности в укреплении нашего влияния в Югославии, удовлетворить требование последней в отношении Гориции и Истрии; город и порт Триест интернационализировать под администрацией международной комиссии» [20, л. 55–57]. В исследовательской литературе особо подчеркивается, что руководство НКВД решило не учитывать историко-ретроспективные рекомендации Комиссии в отношении Триеста [21, с. 43]. Это способствовало в близком будущем возникновению локального конфликта, быстро переросшего в острый и опасный международный кризис.

Вскоре был выработан другой фундаментальный документ – концептуальная программа послевоенного урегулирования, содержащаяся

в записке заместителя наркома иностранных дел (1943–1946) И. М. Майского В. М. Молотову «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. из 25 масштабных блоков. Два последних были обозначены как «Итоги» и «Перспективы» [22, с. 23–48].

Члены Комиссии Литвинова и привлеченные к работе специалисты создали огромный пласт исторической документации констатирующего и прогнозно-аналитического характера, прямо или косвенно касавшейся урегулирования как старых, так и вновь возникших конфликтов в ЦВЕ. Несколько десятков разработок Комиссии были посвящены истории спорных территорий по всей Европе. Они вызывали в последние десятилетия различные оценки и трактовки, но почти всегда открывались изложением событий многовековой давности. Следует сказать, что полного совпадения между взглядами проектировщиков послевоенного мира и акциями практической советской дипломатии не наблюдалось. Тем не менее, концептуальные разработки определяли ее стратегические цели и рубежи, являясь банком возможных решений [23, с. 65, 69]. (Автор, абсолютно соглашаясь с подобным историко-ретроспективным подходом, отдал ему обильную дань во вводных историко-страноведческих справках к восьми главам своей монографии [24]). Академические и вузовские историки, историки-международники внесли весомый вклад в разработку образа послевоенного мира, формирование стабильных на протяжении 40 лет европейских границ, всесторонне учитывая исторические факты и аргументы.

Библиографический список

1. Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации. 1917–1962. М.: Междунар. отношения, 2002.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Док. и матер.: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1944–1947. Т. 1: 22 июня 1941 – 31 декабря 1943 г. 1946.
3. Советско-американские отношения. 1939–1945. [Документы]. М.: МФД, 2004.
4. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Док. и матер.: в 2 т. М.: Политиздат, 1983. Т. 1: 1941–1943.
5. Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV. М.: Междунар. отношения, 2000.
6. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики РФ: в 4 т. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. 1996.
7. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000–2001. Т. 3: 1940–1952. 2001.
8. Тошкова Витка. Советские геостратегические замыслы на Балканах в 40-е годы XX века (по материалам Национального архива США) // Человек на Балканах в

- эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб: Алетея, 2002. С. 307–322.
9. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг. Документы и материалы. М.: Аспект Пресс, 2021.
 10. Romsics Ignác. American Wartime Plans for a New Hungary and the Paris Peace Conference, 1941–1947 // 1945 – a Break with the Past: a History of Central European Countries at the End of World War Two / Zdenko Čepič (ed.). Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2008. P. 51–62.
 11. Krajčovič Milan. Medzinárodné súvislosti slovenskej otázky 1927/1936–1940/1944: maďarské dokumenty v porovnaní s dokumentmi v Bonne, Bukurešti, Viedni a Prahe. Bratislava: SAP, 2008.
 12. Ślusarczyk Jacek. Obszar i granice Polski (od X do XX wieku). Toruń: Adam Marszałek, 1995.
 13. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 0122 (Референтура по Польше). Оп. 29. П. 86. Д. 6.
 14. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Док. и матер.: в 2 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 1: 1941–1943.
 15. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945: Dokumenty: v 2 díl. / editoři Jan Němeček, Helena Nováčková, Ivan Šťovíček, Miroslav Tejchman. Praha: Státní ústřední archiv v Praze, 1998–1999. – Díl 1: (březen 1939 – červen 1943). 1998.
 16. Сальков А. П. Восточная Пруссия в планах послевоенного территориального переустройства Европы // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 27–46.
 17. АВПРФ. Ф. 0122. Оп. 26-и. П. 308. Д. 3.
 18. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М.: РОССПЭН, 2000.
 19. АВПРФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 06. П. 14. Д. 141.
 20. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 06. П. 17. Д. 147.
 21. Хормач И. А. СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х годов: в 2 ч. Ч. 1: СССР – Италия и формирование блоков в Европе, 1943–1955. М.: ИРИ РАН, 2005.
 22. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2 т. М.: РОССПЭН, 1999–2002. Т. 1: 1944–1948 гг. 1999.
 23. Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 54–71.
 24. Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск: БГУ, 2019.